властиво. Тобто він характеризується не применшенням ентропії, а навпаки – її зростанням. Цьому є логічне пояснення, що випливає із сучасного соціокультурного становища. Оскільки тексти культури повинні постійно сприйматись для своєї місії зменшення ентропії, а в умовах відсутності рецепієнта вони мають властивість накопичуватись та втрачати смислове навантаження, таким чином оминаючи "символічний обмін". Що ж відбувається за таких умов? Механічне накопичення інформації продовжується (іноді шаленими темпами), але вона не вступає у взаємодію і врешті–решт сприяють інформаційному хаосу.

Всі ці чинники не можуть не впливати на людину. Надлишок інформації викликає у людини почуття дисонансу. Для подолання інформаційного забруднення потрібен не тільки розвиток критичного погляду на віртуальну реальність, своєрідного віртуального дискурсу, але й розвиток нового відчуття часу. Під цим ми розуміємо безпосередній розвиток індивідуальної культури часу. Адже із бурхливим розвитком медіа класичний погляд на час, що уявляється певною метафорою простору лише посилюється. Тобто межі між часом і простором руйнуються на користь останнього. Водночас події, що розміщені у медіасередовищі взагалі набувають суто просторових характеристик. Сучасні інтерактивні системи завжди дозволяють повернутись на кілька кроків назад або навпаки просунутись вперед, що є неможливим у реальності. В просторі гіпертексту людина абсолютно не прив'язана до часового континууму, або, іншими словами, до часової послідовності. Людина таким чином звільняється від жорстких правил одномірного порядку і отримує свободу гіпертексту. До хаосу також призводить і те, що події із внутрішнього життя постійно стають надбанням життя зовнішнього, що робить реальність соціально спрямованою. В результаті множинність часів посилюється, а з ними і множинність реальності.

Медіафілософія є новою та перспективною галуззю філософського знання, що бере свій початок з XX століття. В своєму предметному полі вона містить цілий ряд актуальних проблем комунікативного поля сучасної людини, а також набуває онтологічного та епістемологічного статусу. Вести мову про онтологію нам дає підстави поняття медіареальності, що являє собою особливо бажаний віртуальний простір, а епістомологічного характеру медіафілософія набуває завдяки медіальності як здатності до пізнання. Одними з найгостріших проблем цієї галузі філософського знання є питання образу як рушійної сили всієї культурної системи, а також проблема медійного часу та простору. Останні є тісно переплетеними та наслідують класичну традицію ототожнення часу з простором, проте суттєвою відмінністю є порушення лінійного часового континууму, що створює ряд труднощів. Все це потребує від дослідника вироблення нового критичного погляду, а також впорядкування інформаційного хаосу, що створюється наростаючою ентропією.

Список використаних джерел

1. Кара–Мурза С. Манипуляция сознанием / С.Кара–Мурза. – М. : Алгоритм, 2000. – 464 с.
2. Кудряшова Т. Переживание времени в условиях медиапространства / Т.Кудряшова. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia/15.pdf. – Назва з екрану (11.02.2014).
3. Кузнецова Е.И. Медиальность и медиакультура как факторы динамики социальной среды : автореф. дис. ... д. филос. наук : 09.00.11 "Социальная философия"/ Кузнецова Елена Игоревна; [Место защиты:Нижегор. гос. ун–т им. Н.И. Лобачевского]. – Нижний Новгород, 2010. – 55 с.
4. Савчук В. Философия эпохи новых медиа / В.Савчук // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 33–43.
5. Сивков Д. "Тяга повсюду быть дома". Проблемы иммунологии медиа / Д.Сивков. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia/07.pdf – Назва з екрану (11.02.2014).

References

1. Kara–Murza S. Manipuljacija soznaniem / S.Kara–Murza. – M. : Algoritm, 2000. – 464 s.
2. Kudrjashova T. Perezhivanie vremeni v uslovijah mediaprostranstva / T.Kudrjashova. [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia/15.pdf. – Nazva z ekranu (11.02.2014).
3. Kuznecova E.I. Medial'nost' i mediakul'tura kak faktory dinamiki social'noj sredy : avtoref. dis. ... d. filos. nauk : 09.00.11 "Social'naja filosofija" / Kuznecova Elena Igorevna; [Mesto zashhity: Nizhegor. gos. un–t im. N.I. Lobachevskogo]. – Nizhnij Novgorod, 2010. – 55 s.
4. Savchuk V. Filosofija jepohi novyh media / V.Savchuk // Voprosy filosofii. – 2012. – № 10. – S. 33–43.
5. Sivkov D. "Tjaga povsjudu byt' doma". Problemy immunologii media / D.Sivkov. [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu : http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia/07.pdf – Nazva z ekranu (11.02.2014).

Sanakuev M. G., *graduate student, Kyiv National Trade and Economic University (Ukraine, Kiev), info@aspirantura.kiev.ua*

Mediafilosofiya as a new branch of philosophical knowledge

The article is devoted to the concept of "mediaphilosophy". Outlines the key milestones in the development of a new branch of philosophical knowledge. It also focuses on the subject of mediaphilosophy and the range of problems that arise in connection with her appearance. Made assumptions about the prospects of its developmentinthefuture.

Keywords: *mediaphilosophy, mediareality, mediality, media anthropology, immunology media, hypertext.*

Санакуев Н. Г., *аспирант, Киевский национальный торгово–экономический университет (Украина, Киев), info@aspirantura.kiev.ua*

Медиафилософия как новая отрасль философского знания

Рассмотрено понятие "медиафилософия". Очерчены основные вехи развития новой отрасли философского знания. Особое внимание уделено раскрытию предмета медиафилософии и тому кругу проблем, которые возникают в связи с ее появлением. Высказаны предположения относительно перспектив ее развития в дальнейшем.

Ключевые слова: *медиафилософия, медиареальность, медиальность, медийная антропология, иммунология медиа, гипертекст.*

* * *

УДК 101.1

Пирверди П.
Институт философии, социологии и права НАНА
(Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ

Анализируются современные реалии рыночных отношений в контексте социальной справедливости. Автор показывает, что на постсоветском пространстве действие новых рыночных императивов находится в диссонансе с массовыми представлениями о социальной справедливости, сформировавшейся в лоне "старой" морали. В то же время, приблизить позиции эффективности экономической и справедливости социальной вполне возможно на основе формирования этических правил рынка и предпринимательства.

Ключевые слова: *экономическая эффективность, маркет, этика, мораль, рыночные отношения.*

(стаття друкується мовою оригіналу)

На гипотетический вопрос о справедливости Людвиг Витгенштейн ответил бы, что невозможно рассуждать о таких понятиях, как справедливость, ибо они являются противоречивыми. Говорить же можно только о непротиворечивых вещах. Такова была точка зрения Витгенштейна, автора "Логико–философского трактата" и лингвистической философии [1]. Однако философы, занимающиеся социально–этической проблематикой полагают, что вопросы справедливости вполне уместны, противоречивы, но понятны и должны быть рассмотрены в контексте рыночных отношений, логика которых – эффективность и прибыль, что естественно, затрагивает множество интересов, в том числе тех, кто прямо или косвенно вовлечен в эти отношения. Собственно, понятие справедливости, действительно, противоречиво. Особенно с релятивистских позиций: справедливость для одних выглядит совершенно несправедливым для других. Этот момент общеизвестен. Однако общеизвестность не означает простоты решения проблемы, тем более, когда она имеет социальное значение.

Принципиальным пунктом в понимании справедливости является равенство. Когда оно нарушено, возникает негодование или непонимание – социальное или моральное. Всякая новая экономика, казалось бы, всегда отвергает "старую" мораль. Но дело не в "старой" морали. Любая экономика должна быть нравственно ориентированной. Так полагал французский экономист С.Сисмонди и подчеркивал, что, что экономика является нравственной наукой, что она имеет дело не с экономическими отношениями, а с человеческой природой. Он считал, что она ведет к цели лишь тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей [2]. Современные рыночные отношения создают совершенно новую ситуацию, когда несоответствие экономических, правовых и нравственных норм может проявляться в разных формах. Так, например, стремление к прибыли не всегда реализуется в пределах правового и морального поля. Законная предпринимательская деятельность нередко входит в противоречие с необходимостью обеспечения соблюдения справедливости, с важностью соблюдения общественной морали. Надо отметить, что сказанное имеет место также и в развитых рыночных государствах. Развитые рыночные общества не всегда показывают пример совпадения и гармонии законности, моральности и прибыли. Реальная жизнь свидетельствует о том, что есть великое множество обратных примеров, свидетельствующих о серьезных проблемах в этой области.

Соблюдение законности, моральности или максимизация прибыли – это серьезная проблема современного рынка. Но каждая экономика решает эту альтернативу по–своему. Тем не менее, надо подчеркнуть, что любые решения не идеальны и не могут быть таковыми по определению. Нет идеальных социально–экономических систем. Но нельзя не видеть рыночного позитива, который перевешивает издержки свободного рынка. Рынок – это эффективная система, которая становится таковой особенно на стадии высокой развитости и цивилизованности, это не только определенное количество продавцов и покупателей товаров или услуг. Это особая система отношений, в которой действуют свои писаные и неписаные законы и правила. Рынок работает по своим установлениям, и для ее функционирования нужны законы, но, развиваясь, рынок сам инициирует и подталкивает усовершенствование законодательства. Та область отношений, которая регулируется неписаными законами, и есть этическое поле рынка.

Развертывание демократии и осуществление социальной справедливости является основным направлением развития политической системы обществ. Взаимодействие демократии и законности таково, что первая – условие упрочения законности, а последняя – составляющая демократии. Опыт развитых стран показывает, к примеру, что четкая и справедливая система налогообложения не только контролирует, но и стимулирует честный труд, так как быть честным становится выгоднее. Мы понимаем, что термин "выгодная честность" с этической точки зрения выглядит некорректно, но и противопоставление материальной заинтересованности личности ее духовным целям, необходимости быть на высоте моральной ответственности – тоже некорректно. Противопоставление это ложно, надуманно. Но ведь именно подобная тенденция, имеющая место на практике, нашедшая отражение на страницах теоретической литературы в советское время, привела к тому, что вопреки реальным устремлениям людей материальная заинтересованность долгое время выставлялась в негативном свете.

Рыночная экономика – это система взаимоотношений, при которых люди не могут позволить себе остановиться на том, что уже достигнуто. Именно поэтому рыночная экономика имеет результатом важные экономические достижения, ведь рынок требует инноваций, развития, формирования капитала. А конкуренция требует быстроты принятия решений и опережения. Выдающийся австрийский экономист Йозеф Шумпетер в своей книге "История экономического анализа" писал по этому поводу, что рыночная экономика – это процесс созидательного разрушения, имея в виду, что лучшее приходит на смену хорошему [3]. В конкурентной борьбе существует постоянное институциональное давление в направлении инноваций различного рода: продуктовых инноваций, инноваций в процессах, финансовых инноваций и инноваций сбыта, научно–технических инноваций и т.д. Происходит постоянное структурное изменение с разорением фирм, закрытием предприятий и высвобождением рабочих сил. От этого давления в направлении структурного изменения, которого в национальной и международной конкурентной борьбе надолго не может избежать ни одно предприятие, зависит общее благосостояние.

Тогда каким образом возможно, чтобы все было справедливо, и все были довольны рыночными процессами? Ведь если препятствовать структурным изменениям ради отдельных групп, результатом будут потери общественного блага, что вряд ли приемлемо, в том числе, этически. А изменения ведут к ущемлению интересов этих групп. И в целом – как на рынке могут сосуществовать свободная конкуренция и экономическая этика? Полагаем, что все это возможно через конкретные правила. Если мы говорим не об автаркии, а о свободном рынке, то такой рынок не может развиваться по понятиям, он может развиваться только через признаваемые всеми правила. Однако эти правила должны быть универсальными и всеобще одобряемыми. Они должны быть прозрачными и не могут иметь избирательного применения. Весь цивилизованный рынок, даже при существующих различиях между социальными рыночными и строго рыночными экономиками,

придерживается общих правил, которые ни для кого не закрывают свободы и перспектив для справедливого и полноценного участия в социально–экономической жизни.

Рыночные отношения предполагают неизбежное обогащение одних и относительное обеднение других, причем обогащение все более становится социально и нравственно одобряемым актом, нежели наоборот. Нравственное сознание большинства современных светских обществ уже преодолело представление о том, что бедность обязательно добродетельна, а богатство – нет. Но на общественном уровне важно усвоить простую мысль о том, что обогатившиеся материально не должны пренебрегать моральными соображениями и общественным мнением, даже если кажется, что это мнение "дремлет", вяло реагирует на противоречия рыночной действительности и ни на что не влияет.

Как замечательно писал Гегель, "нечто вполне позволительное с точки зрения права может быть чем–то таким, что морально запрещается. Право, например, разрешает мне распоряжаться своим имуществом, совершенно не определяя пределов этого распоряжения, и только мораль содержит определения, которые его ограничивают" [4, с. 32].

Если проанализировать философскую и экономическую литературу, то можно увидеть, что в философской литературе справедливость трактуется как понятие о должном, как соответствие деяния и воздаяния, соответствие прав и обязанностей, труда и вознаграждения. В частности, в философском словаре читаем: "Справедливость – категория морально – правового и социально – политического сознания, *понятие о должном*, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека" [5]. Более развернутое определение дано профессором А.А. Гусейновым: "Справедливость является одним из принципов, регулирующих взаимоотношения между людьми по поводу распределения (перераспределения), в том числе, взаимного (в обмене, дарении), социальных ценностей. Социальные ценности понимаются в широком смысле. Это – свобода, благоприятные возможности, доходы и богатства, знаки престижа и уважения и т.д." [6, с. 336]. В экономической литературе справедливость часто излагается как требование равенства граждан в распределении материальных благ. Отсутствие должного соответствия между этими сущностями оценивается как несправедливость. Экономические концепции социальной справедливости рассматривались такими учеными, как А.Смит, И.Бентам, Дж.М. Кейнс, К.Маркс, Дж.Милль, Дж.Ролз, Д.Хайман, А.Маршалл, М.Алле, Дж.К. Гэлбрейт, А.Сеп и др. Считаем обоснованным утверждение тех исследователей, которые полагают, что эффективность национальной экономики и построение гражданского общества во многом зависят от того, насколько соблюдаются принципы социальной справедливости во всех сферах общественной жизни, включая экономику. Необходимо создание социально ориентированных и экономически эффективных институтов национального хозяйства. Социальную справедливость в экономических отношениях невозможно обеспечить без разработки соответствующего механизма. Этот механизм должен в качестве основного элемента любой социально–экономической системы иметь в виду человека. Собственно, утверждая так, мы хотим еще раз подчеркнуть, что экономика не может быть целью самой себя, что она функционирует во имя общественного блага.

На наш взгляд, социальная справедливость в экономических отношениях должна рассматриваться на макро и микроуровне. На макроуровне она определяется в виде официально принятых правовых норм, закрепляющих тот или иной допустимый уровень или меру справедливого экономического поведения в экономике и обществе. На микроуровне она устанавливает для всех субъектов экономической деятельности согласованные нормы поведения, складывающиеся на основе экономической культуры, системы ценностей, традиций, менталитета, которые влияют на поведение экономических субъектов и процессы развития любой социально–экономической системы в целом.

Экономика постсоветских республик формируется в соответствии с моделями западных стран, через перенос или заимствование моделей, показавших свою эффективность. Однако механический перенос стандартов и экономических механизмов проблематичен, да и не нужен. Некритичное навязывание альтернативных институциональных моделей в соединении, в частности, с искаженными представлениями об автоматическом достижении социальной справедливости в условиях рынка привело к резкому ухудшению социального и экономического положения большинства населения стран СНГ.

Введение новых норм социальной справедливости может быть позитивно воспринято одними социальными и профессиональными группами и негативно – другими. И на это есть множество подтверждений. Однако существуют и иная практика, в частности, китайская. Мы не будем здесь останавливаться на широко известной китайской модели экономики. Для нас было бы продуктивнее заострить внимание на том, что в рамках одной экономической модели китайцы успешно применяют на практике разные формы социальной справедливости на уровне территориальных образований. Об этом свидетельствует одно из китайских экономических "чудес" – деревня Хуанси, расположенная недалеко от Шанхая и ставшая знаменитой благодаря высочайшему уровню материального благосостояния населения. Достигнуто оно путем распределения по итогам года 20% общей прибыли на душу населения, включая детей. В результате каждый житель этой современной деревни, получая в течение года скромную зарплату, в итоге имеет накопления в среднем не ниже четверти миллиона долларов. Бюджет деревни составляет 1.5 миллиарда долларов, а население всего около 40 тысяч. Разумеется, доходы деревни являются результатом функционирования десятков промышленных предприятий, компактно расположенных на данной территории и успешным сбытом продукции, однако необычен сам подход к социальной справедливости. Такого рода уравнительный подход в обеспечении социальной справедливости оставляет довольным всех – и население, и руководство местной коммунистической организации. Все это делается не вопреки рыночной экономике, более того, экономика этой современной деревни – чисто капиталистическая, однако принципы справедливости, по которым договорились жители и руководители, показывают эффективность конвенционального подхода в вопросе социальной справедливости.

Надо отметить, что в целом на постсоветском пространстве существует проблема переноса норм социальной справедливости, господствующих в экономике развитых стран, где признается необходимость рыночного неравенства, отождествляемого со справедливостью. Эти нормы и вытекающие из них требования несовместимы с этнопсихологическими и культурными традициями и признанными моделями экономической жизни.

Невозможность бесконфликтной передачи ценностей одной экономической системы другой проявилась именно на постсоветском пространстве с особой силой. В результате механического переноса западных социально–экономических институтов в первые годы рыночных реформ постсоветские страны отказались от уравнительного распределения, которое осуществлялось на чрезвычайно низком уровне, но воспринималось населением как справедливое. Страны перешли к нецивилизованному рынку, очень напоминавшему период первоначального накопления капитала, а уровень социальной несправедливости превысил все разумные границы. Таким образом, эти страны существенно проиграли как в экономическом, так и в социальном и морально–нравственном отношении.

Анализируя проблему социальной справедливости, мы не можем не упомянуть Джона Ролза и его знаменитую “Теория справедливости” [7]. Ролз трактует справедливость как честность. Он исходит из двух принципов: 1. Каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других; 2. Социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и доступ к положениям и должностям был бы открыт всем.

“Справедливость, пишет Ролз, – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли. Теория, как бы она ни была элегантна и экономна, должна быть отвергнута или подвергнута ревизии, если она не истинна. Подобным же образом законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы. Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом. По этой причине справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана бо́льшими благами других. Непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство. Следовательно, в справедливом обществе должны быть установлены свободы граждан, а права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов. Единственное, что позволяет нам неохотно принимать ошибочную теорию, – это отсутствие лучшей теории. Аналогично, несправедливость терпима только тогда, когда необходимо избежать еще большей несправедливости. Будучи первыми добродетелями человеческой деятельности, истина и справедливость бескомпромиссны” [7, с. 13].

Ролз утверждает, что в вопросе справедливости лица в исходном положении выберут два весьма различных принципа: первый требует равенства в приписывании основных прав и обязанностей, а второй утверждает, что социальное и экономическое неравенство, например, в богатстве и власти, справедливо, если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека, в частности, для менее преуспевающих членов общества. Эти принципы исключают обоснование институтов теми соображениями, что трудности для некоторых людей компенсируются большими благами общества в целом. То, что некоторые должны иметь меньше, чтобы остальные процветали, может быть и рационально, но не справедливо. Но нет никакой несправедливости в больших преимуществах, заработанных немногими, при условии, что менее удачливые тем самым улучшают свое положение.

Необходимо отметить, что принцип улучшения положения тех, кто менее удачлив за счет перераспределения доходов, сколь бы социально привлекательно не выглядел, обязан иметь разумные пределы, по той простой причине, что перераспределение доходов, скажем, за счет большего налога на состояние, не должен превращаться в демотивирующий элемент экономического развития. То же самое относится к политическим системам, поощряющим чрезмерные социально–правовые преференции для тех, кто работает по найму. Так, например, в Западной Европе предприниматель не может платить нанятому работнику менее 9 евро в час. Если это новый, только стартовавший бизнес с туманными еще среднесрочными перспективами, предприниматель – особенно мелкий – уже имеет дело с финансовыми издержками. Но не это является главной проблемой для предпринимателей. Гораздо более серьезной трудностью для них является возможность неудачного ведения бизнеса и сворачивание деятельности. В подобных случаях наемные работники, охотно поддерживаемые адвокатами, часто подают судебные иски на предпринимателей, как на лиц, не обеспечивших их долгосрочную занятость. В социально ориентированных экономиках такого рода иски, как правило, удовлетворяются. Неудивительно, что, вопреки законам, предприниматели в ряде случаев идут на нарушения и нанимают на работу нелегалов из “третьего мира” со всеми вытекающими отсюда последствиями – “черной кассой”, неуплатой налогов и отсутствием социальных обязательств. Нельзя сказать, что это повсеместное явление для Европы, однако такие случаи имеют место быть.

Таким образом, вполне очевидно, что теория справедливости как равенства и перераспределения, нередко входит в противоречие с практикой экономических взаимоотношений, что, с одной стороны, дискредитирует саму идею такой справедливости, а с другой, – служит демотивацией для субъектов экономической деятельности.

Список использованных источников

1. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т.4. От романтизма до наших дней. Витгенштейн Л. От “Логико–философского трактата” к “Философским исследованиям”. – СПб., 1997. – 880 с.

2. История экономических учений. – М. : Изд–во Московского Университета, 1989. – Ч.1.

3. Шумпетер Йозеф. История экономического анализа / пер. с англ. под ред. В.С. Автономова, в 3–х т. – СПб. : Экономическая

школа, 2001. – Т.1. – 552 с., Т.2. – 504 с., Т.3. – 688 с.
4. Гегель. Работы разных лет. В 2–х томах. – М. : Мысль, 1971. – Т.2.
5. Философский словарь. – М., 1986.
6. Гусейнов А.А. Этика. – М., 1998.
7. Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. – 2006. – № 1. – С. 35–60.

References

1. Reale D., Antiseri D. Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnej. T.4. Ot romantizma do nashih dnej. Vitgenshtejn L. Ot "Logiko–filosofskogo traktata" k "Filosofskim issledovanijam". – SPb., 1997. – 880 s.
2. Istorija jekonomicheskih uchenij. – M. : Izd–vo Moskovskogo Universiteta, 1989. – Ch.1.
3. Shumpeter Jozef. Istorija jekonomicheskogo analiza / per. s angl. pod red. V.S. Avtonomova, v 3–h t. – SPb.: Jekonomicheskaja shkola, 2001. – T. 1. – 552 s., T.2. – 504 s., T.3. – 688 s.
4. Gegel'. Raboty raznyh let. V 2–h tomah. – M. : Mysl', 1971. – T. 2.
5. Filosofskij slovar'. – M., 1986.
6. Gusejnov A.A. Jetika. – M., 1998.
7. Rolz Dzh. Spravedlivost' kak chestnost' // Logos. – 2006. – № 1. – S. 35–60.

Pirverdi P., *Institute of Philosophy, Sociology and Law of ANAS (Azerbaijan, Baku), matlabm@yandex.com*

On contradictions between economic effectiveness and social fairness

The article discourses upon the contradictions existing between economic effectiveness demand and social fairness needs. The author emphasizes: this only seems that economic imperatives that put into the center of focus effectiveness can easily ignore social anticipations. The best effective economies have to comply with the rules of market economy, which should be aimed at human being, its needs and social expectations.

Keywords: *economic effectiveness, market, ethics, morals, fairness.*

Пірвердi П., *Інститут філософії, соціології та права НАНА (Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com*

До питання про протиріччя між економічною ефективністю і соціальною справедливістю

Аналізуються сучасні реалії ринкових відносин в контексті соціальної справедливості. Автор показує, що на пострадянському просторі дія нових ринкових імперативів знаходиться в дисонансі з масовими уявленнями про соціальну справедливість, що сформувалася в лоні "старої" моралі. У той же час, наблизити позиції ефективності економічної та справедливості соціальної цілком можливо на основі формування етичних правил ринку та підприємництва.

Ключові слова: *економічна ефективність, маркет, етика, мораль, ринкові відносини.*

* * *

УДК 13:82.01

Попов В. Ю.
доктор філософських наук,
доцент, професор кафедри філософії,
Донецький національний університет
(Україна, Макіївка), popovmak@mail.ru

Πραγμα–res–Ding: КАТЕГОРІЯ "РІЧ" У ЄВРОПЕЙСЬКІЙ МЕТАФІЗИЦІ

Проаналізована ґенеза та еволюція категорії "річ" в європейській континентальній філософській традиції. Обґрунтовується теза про те, що саме вона відіграла визначну роль у формуванні європейської метафізики.

Ключові слова: *річ, πραγμα, χρῆμα, хрематистика, res, трансцеденталія, Ding, річ–сама–по–собі (Ding an sich), феноменологія, Sache.*

Категорія "речі" відбивається словом, що має вдавану інтуїтивну транспарентність та широку мовну розповсюдженість. Між тим воно залишається одним з найбільш утаємничених та непроявлених елементів сучасного філософського дискурсу. Річ розглядається як первинна цеглина реальності, тобто буття, яким воно є в наявності. Під цим словом зазвичай розуміють окремий предмет об'єктивного світу, що має відносну відособленість і сталість. В той же час, слово "річ" має ще одне важливе значення – це справа, діло, турбота. Тобто речі це не тільки предмети матеріальної реальності, але й об'єкти наший дій, надій та сподівань. Категорію "речі" ми зустрічаємо як у сучасних онтологічних , так і логіко–методологічних та соціально–філософських студіях. Тому метою нашої статті є дослідження генеалогії та еволюції категорії "річ" в історії західної метафізики та в сучасному філософському дискурсі.

Почнемо наш аналіз з етимолого–порівняльної експозиції. Загальновідомо, що українське слово "річ" походить від давньоруського "рѣчь", яке мало значення – "мова", "розмова", "промова". Трансформація значення "рѣчь" від "слова" до тілесного його втілення (тобто власно "речі") вельми показова. Вона подібна таким же процесам, що відбувалися в російській мові ("вещь" від "віщати") та польській де "rzecz" первісно "мова", "промова" але під впливом латинського res – "річ", "предмет" також змінило своє первісне значення.

Починаючи з Мартіна Гайдеггера у філософській етимології стало досить популярним дослідження спорідненості res з німецьким das Ding, англійським thing, а останнім часом з російським вещь. Не зважаючи на підозру опонентів, що досліди фрайбурського мислителя є лише свавіллям його етимологічних пустощів, Гайдеггер пов'язує res з давнім Thing та стверджує що "давньоверхньонімецьке слово thing означає збори, а саме віче для обговорення обставини, про яку зайшла мова, спірного випадку" [13, с. 321].

Проте латинське res ніколи не позначало народні збори або якісь промови, що проголошуються на цих зборах. Для назви зборів завжди було слово *forum*, а промов на них – *oracio*, від якого походить слово "оратор". *Res* є однім з найдавніших латинських слів, що позначало як матеріальні речі, так і певні справи. Воно, певним чином, було відповідником давньогрецьких слів *πρᾶγμα* та *χρῆμα*. Барбара Кассен наводить досить цікаву етимологічну історію цих двох грецьких термінів. Вона стверджує, що вони "конкурували" між собою на протязі всього розвитку давньогрецької мови і кожне з них прикметне завдяки саме етимології [7, с. 59].

Слово *πρᾶγμα* походить від дієслова *πράσσω,* що мало у Гомера значення "іти до кінця, доходити, минати", але згодом набуває значення "закінчувати, здійснювати, займатися чимось, укладати угоду, практикувати". На відміну від слова *πράξις*, що позначає власне активність, *πρᾶγμα* відображає мотив або наслідок цієї активності: річ як наслідок дії, завдання. В однині воно позначає те, про що йдеться, та що є причиною (наприклад, у випадку процесу). Проте у множині (*πράγματα)* його значення поширюється на всю дійсність зовнішнього світу, в якому відбувається людська дія, а саме речі, що виникли, факти, що розглядаються, публічні та приватні справи. Кассен пов'язує саме *πράγματα* з німецьким словом *Wirklichkeit* (дійсність) [7, с. 59].

Втім слово *χρῆμα* ще більш безпосередньо пов'язане з людською активністю. Воно походить від *χρή* "потрібно" в значенні "є необхідність". У витоках це слово мало сенс "бракувати чогось, прагнути", а згодом почало означати "мати стосунки з кимось, віддатися, підкоритися". Слово *χρῆμα* позначає річ, насамперед як